

ности стереть с лица земли поработанные народы, вынужден предоставить им некоторые права, с которыми — как с собственностью, семьей, общественным строем и религией — неразрывно связано существование личности и народа. Туркам приходилось тем более щадить эллинов, что последние представляли собой целый народ античной культуры, превосходивший их численностью. Правда, греки были лишены всех политических прав; их государство исчезло. Но общины остались. Султан считался хозяином всякой земельной собственности, и повсюду лучшие поместья перешли к турецкому военному дворянству, тимориотам; но грекам, для которых военная служба была недоступна, оставались — вместе с земельными владениями — еще море и связанный с ним промысел — торговля.

Города в Элладе сохранили остатки самоуправления, народ — свободу культа, церковь — свое исконное устройство.

Не в пример латинским завоевателям и папе, Могамет II и его наследники не старались уничтожить греческую национальную церковь. Султаны были веротерпимы; они весьма дальновидно покровительствовали патриарху и духовенству, чтобы удержать их от религиозного сближения с Римом и в то же время добиться при их содействии рабской покорности греков. Однако религия Могамета в Малой Азии, славянских странах Балканского полуострова и Албании приобретала массы прозелитов, страхом и корыстью побуждаемых переменить религию.

Турецкое государство продолжало в Константинополе с меньшими усилиями и меньшим успехом тот же процесс денационализации, над которым трудилась Византия. Турция старалась обратить христиан в магометан. Целые племена в Эпире отпадали от православной церкви. Несколько позже немало греков на Крите и Эвбее приняли ислам. В Византии можно было видеть в качестве ренегата даже одного из последних Палеологов — Мануила. Но лишь незначительная часть греков в древней Элладе последовала этому позорному примеру. Стремления турецкого правительства обратить эллинов в ислам были безуспешны; вместе с христианст-